

Реммаль Ходжа.
Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан»
(«История о хане Сахиб Герае»).
Часть 5. Завершение

Рефат Абдужемилев

*(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет им. Ф. Якубова»)*

Аннотация. Вниманию читателей предлагается перевод на русский язык завершающих фрагментов из хроники «Тарих-и Сахиб Герай хан» (XVI в.)¹. Автором хроники являлся ученый, придворный астролог при дворе хана Сахиба Герая Кайсуни-заде Мехмед Нидаи, известный под литературным псевдонимом Реммаль Ходжа.

Наряду с фактографической составляющей хроники, немаловажное значение имеет и художественная специфика. В сравнении с другими сочинениями историографической направленности, данное сочинение наиболее ярко демонстрирует силу художественного слова, свой эстетический потенциал. Произведение написано в панегирической форме, автор воспекает героические деяния в период ханства Сахиба Герая. В хронике проявляются традиции османской историографии.

Перевод выполнен из турецкого издания «Tarih-i Sahib Giray Han («Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 a 1551», Анкара, 1973)». Автор перевода пытается коррелировать содержание перевода с содержанием оригинала, передать художественное воплощение исторических событий, сохранить стиль произведения, по возможности сохранить реалии языка ханской эпохи. Текст будет полезен для специалистов по истории и литературе Крымского ханства.

Ключевые слова: Хроника, Крымское ханство, Сахиб Герай, Реммаль Ходжа, крымскотатарская литература.

Для цитирования: *Абдужемилев Р. Р.* Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 5. Завершение // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 211–224. DOI: 10.22378/ki0.2020.1.211-224

¹ Начало и продолжение произведения были опубликованы в № 1(10) и № 2(11) за 2018 г., № 1(12) и № 2(13) за 2019 г.

Тогда прошла та ночь и наступило утро. И видел султан, что от пятнадцати тысяч людей всего лишь семнадцать человек осталось рядом с ним. Дивуясь вероломству татар и неведению ими хлебосоольности², в тот день, не зная, что и чинить, предался терпению до вечера. А с наступлением ночи с поднятой головой покинул Ор.

В час приготовления хазрет хана [Девлет Герай-хана] к сражению с Эмин Герай-султаном на утро байрама пришла весть: «Эмин Герай-султан удалился, а мурзы, что были при нем, явились и изъявили намерение ударить челами перед падишахом». Так и молвили. И тогда хан дал свое позволение на то, дабы, кроме отбывших с Сахиб Герай-ханом в поход, все оставшиеся явились и получили всевозможные блага и милости.

Тогда достигли повеления и крепостей на острове Тамань, с вестями о том, что Девлет Герай-хан удостоился ханства, а участь Сахиб Герай-ханова уже готовится. Народ был извещен по сему. И весть постигла Али-Кылыч-бека: «Велено казнить Адиль Герай-султана и принести его голову». Весьма озадачен³ был тогда Али-Кылыч-бек. Коль не казнит его, тогда суждено быть казненным ему самому. Что же оставалось делать? Волей-неволей⁴ покинул султана со словами: «Постреляю-ка я из лука»⁵. И сверху маленького рва, приблизившись к тому розоликому и сладкоречивому ханзаде, Али-Кылыч-оглы тайком, вероломно и окаянно закинул веревку из-за спины и удушил султана по-разбойничьи. И отдал тот [султан] свою сладкую душу Богу. Но при виде того зрелища не было ни единой души, что не проронила бы слез. Тогда ему [султану] было семнадцать лет. А потом взяли покойника и похоронили его в Бахчисарае.

А султанчиков из крепости привели одного за другим, дабы удушить в Салачике во дворце Менгли Герай-хана. А когда пошли в крепость за Хаджи Герай-султаном вместе с Селямет Герай-султаном и вывели их с сестрами, то тогда поднялся такой стон и плач, что неверные и мусульмане по сему изливались слезами. Разум покинул одних, а другие помешались⁶. И рвали они на себе волосы, царапали и изрывали лики⁷. По окончательному велению⁸, они были разлучены тысячами бед. А тот безбожный деспот и злодей, что звался Ак-Мамшык, удушил двоих султанчиков, обреченных на великие страдания. И проклятия сыпались со стороны тех, кто слышал

² «Tatarıñ bivefalığına ve tuz-etmek haqqın bilmedüklerine ta'accüb edüb».

³ «tahayyürde qalub».

⁴ «Çar u naçar».

⁵ «Oq atışalum».

⁶ «ve kimi divaneye dönüb».

⁷ «saçların yolub, yüzlerin pare-pare etdiler».

⁸ «ahır el-emr».

их стон. Сии безвинные и чистые люди⁹, перебравшись в мир вечности¹⁰, вошли в рай. Среди них был и десятилетний Хаджи Герай-султан и восьмилетний Селямет Герай-султан. И четырехлетний Газанфер Герай-султан, его тоже убили мальчиком. И сына Эмина Герая, Джафер Герай-султана, и дядю Кутлу Герая, Ходжа Тая, безжалостно казнили. И не было ни единой души, которая бы ни проклинала сии злодеяния.

А в это время прибыл вестник [муштуджу] от Сахиб Герай-хана. И привели его к хану. И спросили о вестях, на что и молвил: «Едет». Хан [Девлет Герай-хан] молвил, что старшим над султанами, вышедшими из заключения, назначен Болюк Герай-султан. Его и Канбери-бека, и старшего над слугами¹¹ отправил навстречу к Сахиб Герай-хану. А сам же вслед прямо держал путь¹² в Кефе.

На сей же стороне Сахиб Герай-хан, прибыв с большим числом пленников, с трофеями и в сытости, велел остановиться у горы Хытыбыт. В тот день доложили вести:

– О наш Падишах! Визири выставили Вас изменником в глазах Благословенного Хункяра, назначив на место нашего падишаха [Вас] ханом Девлет Герай-султана и отправив в путь. Он же явился и из Аккермана на кораблях вошел в Гёзлеве. А Эмин Герай-султан со своим войском находится за пределами Ора. Хан [Девлет Герай-хан] прибыл в Ваш дворец и вошел в него, вывел всех дочерей ханий и других людей к крепости, а потом велел бекам казнить султанов. Отворил он Вашу казну, пустил на расходы красный алтын, и выдал кисеты с акче и алтыном бекам, что били челами. Так он и завладел шахским виляетом¹³.

В тот миг Сахиб-хан, услышав сие известие, горестно заплакал¹⁴ и молвил:

– Коль огланы мертвы, значит они – мученики. И пред Богом они достигли своего высокого положения¹⁵. А коль уж владения утеряны, то не беда – нет кикого, кто смог бы забрать свои владения в могилу¹⁶. Все же обидно за народ Крыма, жаль его. Ибо Девлет Герай-султан нетороплив и милостив. Но не быть ему сильным, подобно мне, ханом над сим виляетом. Страна не будет подвластна ему¹⁷. А следствие тому – край прогнется под силой врага, а владения будут утеряны¹⁸.

⁹ «Ol ma'sum u pakler».

¹⁰ «ahirete intiqal edüb».

¹¹ «qul qarındaşlarınıñ ağasını».

¹² «Kefeye tođrı revana oldı».

¹³ «malikane vilâyeti zabt eyledi».

¹⁴ «ah ağladı».

¹⁵ «Haq qatında mertebe buldılar».

¹⁶ «Mal telef oldı ise, malın qabrine alub, gider kimse yoq».

¹⁷ «Memleket zabt olmaz».

¹⁸ «Aqubet, el düşmana zebun olub, mülk elden çıkar».

И на сих словах, премного сожалея и обеспокоившись, тревожные мысли одолевали его голову¹⁹. С одной стороны беспокойство за сыновей и дочерей, а с другой – печаль по розоликим девушкам, по венцу и престолу, по собственности и владениям [мал у менал] и по казне дворца. В тот час у Сахиб Герай-хана было около тридцати шести тысяч овец и более десяти тысяч выючных животных [хэргеле], и пять-шесть тысяч простого скота²⁰, и три тысячи годных слуг. В общем, со времен Чингисхана среди всех ханов не был такой падишах, что имел бы столько состояния и такого множества казны²¹.

Ибо подобный венец и престол были утеряны. Хан то плакал, то погружался в море недоумения²², а то и окунался в море дум²³, не ведая, что чинить и как же быть. Наконец, собрав самых приближенных к себе лиц²⁴, известил о положении дел. А те же молвили ему в ответ:

– О наш Падишах! Решение сему делу таково: отбив отсюда и переехав со всем войском через Азак, направимся прямо к Ору, дабы весь люд слышал о Вашем прибытии к Ор Агзы. Так что рядом с Девлет Герай-ханом и не останется никого. И все они явятся к Вам. Не будет ни единой души возле него. И он [Девлет Герай-хан] не пожелает остаться наедине с собой, а потом сядет на корабль и отплывет. И тогда Вы, вновь воссев благополучно на свой престол, отправите посланца к Хункяру и известите о своей верности. Конечно же, Хункяр будет ведать о Вашей верности и накажет тех, кто стал причиной Ваших неудач и клеветал на Вас²⁵.

В тот миг хазрет хан молвил:

– В настоящий час хазрет Хункяр – повелитель мира²⁶. Мы же зажгли свою свечу его огнем²⁷. Коль мы вернемся отсюда, будто беглецы, то тем самым мы поступим вопреки великого повеления. Я не сверну со своего пути, даже если умру – на все воля Аллаха. Ежели останусь живым, тогда мое слово само дойдет до Хункяра²⁸.

И на сей молве, остались на том месте в ту ночь. Однако же очи хана не сомкнулись на сон. И велел он позвать янычар, они сами же уяснили положение дел.

¹⁹ «aqlı perişan oldı».

²⁰ «ve beş-altı biñ qara tavarı».

²¹ «El-qıssa, Cengiz Han zamanından berü gelen hanlardan bunıñ gibi mal ve hazinesi çoq padişah gelmiş degildi».

²² «gâh tahayyür bahrine müstağraq».

²³ «fikir deryâsına ğarq olub».

²⁴ «mahrem olanı yanına cem' edüb».

²⁵ «Size bahane ve bühtan edenlerüñ haqqından gelür».

²⁶ «sahibqıran-ı alemdür».

²⁷ «Biz dahi çırağı andan yaqduq».

²⁸ «Eger sağ olursam, sözim hod Hünkâra yeter».

И [хан] обратился тогда к ним:

– О мои спутники! Что смолвите? Схватите ли Вы меня и выдадите ли Девлет Гераю? Или же до прибытия моего посланца от Хункяра, не выдав, будете оберегать меня?.

На что те и отвечали:

– О наш Благословенный хан! Столько времени мы кормимся твоими благами и столько милостей видели от тебя. Всем нам судилось погибнуть, лишившись голов, а теперь тебя хотят забрать от нас. О наш падишах! Нисколько не печалься, мы ни на шаг не отойдем от тебя. Ни один, ни два месяца, а больше, что бы ты ни приказывал, готовы мы повиноваться твоему ферману²⁹. Коль понадобится ради твоего блага, готовы мы и пожертвовать своей жизнью³⁰. Не дадим мы тебя в чужие руки.

А хазрет хан и молвил на то:

– Мое намерение к Вам таково: приготовьте-ка мне судно и, сев со мной в то судно, доставите меня к Благословенному Хункяру. Ибо у Хункяра со мной учинена клятва³¹. Падишах не обделит меня милостью, он примет решение снова вверить мне ханство. Пусть же моей обязанностью³² будет сделать каждого из вас настоящим человеком. А не ведаете ли Вы, что Хункяру было донесено о предательстве воеводы Богдана Петра? Посему Падишах, лика Земли³³, назначил другого воеводу. А потом Петро воевода, прибыв к Вратам, склонил счастливого Хункяра простить свои грехи. И снова он был назначен беком в виляете Богдан³⁴. Хвала Всевышнему Аллаху, мы сами же мусульмане. В особенности, нет у нас предательства. Чаю надежду, что наши намерения будут оправданы³⁵.

На что те и отвечали:

– О наш падишах, нисколько не переживайте! Мы не уготовим тебе ничего плохого. Найдя судно, доставим тебя до Стамбула!

Хан же, слепо поверив их словам, на утро после ночи увидел, что не осталось ни единого татарина. И все разошлись по сторонам³⁶, а некоторые из слуг и вовсе рассеялись³⁷.

Тогда, отбыв оттуда, добрались до Темрюкской крепости. Люд крепости, молвя: «Приказы за падишахом», выдвинул телеги с пушками и телеги

²⁹ «fermanberiz».

³⁰ «uğrında lâzim gelür ise, dirligimizden ferağat ederüz».

³¹ «Zira benümlе Hünkârîñ ahd u peymanı vardur».

³² «üzerime farz olsun».

³³ «Ruy-ı Zemin».

³⁴ «Gerü Boğdan vilâyetine Beg dikdi».

³⁵ «Ümiddir ki, namurad olmyâvuz».

³⁶ «tar u mar olmış».

³⁷ «ve qullarîñ ba'zısı perakende olmış».

с военным снаряжением. Тогда хан, безнадежно прощаясь с сим миром³⁸, печально вздыхая от разлуки с детьми³⁹, разрыдался ручьями слез⁴⁰. На сей раз направился⁴¹ он к Таманской крепости. А что же ему оставалось делать, ведь беда настигает врасплох. Перестав кушать и пить, даже вода не проходила по горлу⁴². С заботой и тоскою поник он в уныние.

Стих:

Как жаль, что утеряно благополучие! Не подало руки счастье.

Земля из-под ног виляета попала в чужие руки.

Вошел я в корабль несчастий, погрузился я в море печали;

Беда, что настигла меня, похожа на Ноев Потоп⁴³,

Да не окажется никто в той же беде, что и я.

Мои мысли и разум сбивают меня с пути.

В сем мире для всякого хана нет беды страшнее этой,

Теряет он владения, а сам же печалится.

Ибо связано мое счастье, а будет ли оно развязано?

О, Господь! Покинут ли сердце печаль и забота?

Сахиб Герай ныне же возносит просьбу к Богу,

Пусть же облагодетельствует тебя или владением, или же героической смертью.

Проза:

В час бедствия, когда хазрет хан ехал, промовляя сии слова, его сыну Гази Герай-султану приснился сон. И видел он, как [хан] идет в слезах. От его плача сердце разрывалось на части⁴⁴. При виде их рыдания люди не сдержались и стали плакать.

Спустя время хан собрался с мыслями и с назиданием обратился к сыну:

– О свет моих очей! Не плачь! Милостью Всевышнего Аллаха и по Его воле мы обретем благополучие. А коль настигнет нас смерть и окончится наша жизнь, что ж – на все воля Аллаха, судьбы предначертаны Им. Погибнув мучениками, достигнув степени свидетельства, мы обретем желаемую вечность. Земная жизнь завершается смертью. Все же⁴⁵ от могилы не уйдешь. Обретение человеком степени свидетельства есть милостью Всевышнего.

³⁸ «dünyâdan ümidi qat edüb».

³⁹ «ehl-ü evlâdına hasret gitdügine ah edüb».

⁴⁰ «gözleriniñ yaşını ırmaq gibi aqdurdı».

⁴¹ «Taman hisarına toğrıldı».

⁴² «Yemekden ve içmekden geçüb, boğazından su dahi geçmez olub».

⁴³ «Tufan-ı Nuha beñzer başımdaki felâket».

⁴⁴ «Anıñ ağladuğına yüregi pare-pare olub».

⁴⁵ «Beherhal».

И на сей молве [хан] обратился к стоявшим рядом Исхаку-казы и Мамшык-беку, и главе янычар, и Агыш-аге, и Джафер-аге, и к другим мужам:

– Всевышний Аллах все приводит в порядок и делает угодным⁴⁶! Надемся, что спасение от сей печали кроется недалеко. И тогда мы с легкостью обретем спокойствие!

Сими словами они [мужи] воодушевлялись.

Таким путем и добрались до Таманской крепости⁴⁷. Хазрет хан велел позвать коменданта крепости [хисар агасы], к которому и обратился:

– Ага, что скажешь? Приложишь ли усилия⁴⁸, дабы найти мне судно? А коль я доберусь до Хункяра, тогда вы займете высокие положения при моем благополучном царствовании.

На что комендант крепости и отвечал:

– О мой Благословенный хан! Давайте-ка Вы благополучно войдите в крепость, а мы займемся приготовлениями. Ежели Вы учините привал за пределами крепости, кто знает, авось явится человек от Девлет Герай-хана и учинит некое неподобающее дело, застав Вас враспloch и безоружным⁴⁹.

Так, хана взяли в крепость и расположили вместе с сыном Гази Герай-султаном в сторожевой башне⁵⁰. А остальных распределили в крепостные строения. А как только ага приготовит судно, то отбудут они отсюда. Так и думали.

Однако же на сей стороне явились посланный Девлет Герай-ханом Болюк Герай-султан, Канберди-бек и старший над слугами, вместе с четырьмя-пятью сотнями людей. И потребовали хана. А те же намерились не выдавать. В тот миг коменданту [ага] Таманской крепости и приближенному к хану командиру янычар вручили повеление Хункяра, где было написано: «Строго-настрога, не упрямясь и не перечая⁵¹, выдать Сахиб Герай-хана людям Девлет Герай-хана. А коль будете выдумывать всяческие причины, тогда будете жестоко наказаны». Таков был сей ферман. Что же им оставалось делать?! Волей-неволей указали на ханские покои. В тот миг старший над слугами и Канберди-бек вошли с оружием и с конвоем. А вслед за ними Болюк Герай оголил лезвие своего меча⁵² и замахнулся. Хан, встав на ноги, попытался сбить с ног Болюк Герая. Старший над слугами потянул хана сзади, не приблизив того к противнику. Встрепенулся тогда Болюк Герай и кольнул хана сразу в нескольких местах. И, приняв того [хана] за мертвеца, оставили лежать. На сей раз увидел хана Гази Герай-султан и отодвинул-

---

⁴⁶ «Allah-ı Ta'alâ oñara».

⁴⁷ «Bu tariq ile Taman hisarına geldiler».

⁴⁸ «derman edermisin?».

⁴⁹ «ğafil ve yaraqsuz bulup».

⁵⁰ «dizdar olduğı qullede ođlı Ğazı Geray Sultan ile bir yere qondurdılar».

⁵¹ «Zinhar inad ve muhalefet etmeyüb».

⁵² «qılıç üryân edüb çalduqda».

ся на шаг. В то время нечестивец, что не боялся Божьего гнева, по имени Колатай, недостойный отцовского наследия сын⁵³, не проявив жалости к тому розоликому падишаху, отсек его голову. В тот час, когда отдал он свою сладкую душу Богу, оставили его перед отцом. Да снизойдет на него милость Всевышнего Аллаха. А когда же затворили дверь и вышли наружу, оставив стражника [бекчи] у врат, то по истечении времени «умерщвленный» хан пришел в себя, раскрыв очи и ужаснувшись при виде своего сына-кровинушки Гази Герай-султана, что лежал мученически убиенным перед ним. В тот миг [хан] так тяжело вздохнул⁵⁴, что янычары у дверей сообщили Болюк Гераю неприятную весть⁵⁵. И, явившись снова, убил его [хана] в муках, кольнув сбоку в грудь⁵⁶. Так и достиг хан Божьей милости и блаженства. Тогда были казнены Машык и Агыш, и ич-оглан Джафер-ага. А потом после разграбления и обретения пожитков, взяв с собой военное снаряжение из Темрюка, возвращались обратно. А тела покойного хана и султана вывезли в Керчь, а оттуда на телегах отправили в Крым.

А в тот час, как Девлет Герай-хан пребывал в пути к Кефе с вестями о мученической смерти покойного, не выдержал хан, роняя слезы. И даже приближенные к нему люди тоже разрыдались. Хан, облачившись в траурное одеяние⁵⁷, с великим сожалением прибыл в Крым. А к тому времени тело хана уже было привезено.

Хан мягкосердечно попытался окинуть взглядом покойного на телеге, не выдержав слез. Тогда он велел, дабы тело покойного было предано омовению. А сей несчастный же [то есть я] бросил свой взор на покойника, что лежал на похоронных носилках. И собственными глазами видел семнадцать ран от меча⁵⁸, от чего и невольно заплакал⁵⁹. А стоявший тогда рядом люд, увидев меня в таком стане, тотчас был охвачен всеобщим плачем.

Увидев сие, хазрет хан спрашивал:

– Кто сей плачущий человек?.

На что и отвечали:

– О наш падишах! Это учитель покойного, Реммаль Ходжа.

В то мгновение хан велел позвать меня и обратился со словами:

– Эй, Ходжа Реммаль! Честь и хвала тебе! Видно по тебе, что ты верный слуга, что знает цену своей службе⁶⁰. А теперь же пусть будут отобраны

⁵³ «Bir veled-i nahalef».

⁵⁴ «derundan bir ahı serd çekdi kim».

⁵⁵ «napesende haber verüb».

⁵⁶ «bögrinden qılıç ile sançub».

⁵⁷ «qaralar giyüb».

⁵⁸ «on yedi yerde qılıç yaresin müşahede edüb».

⁵⁹ «bihtiyâr olub ağladım».

⁶⁰ «Tuz-etmek haqqın bilürmüş adam imişsin».

сорок человек. Похороните покойного в усыпальнице его великого прадеда Хаджи Герай-хана⁶¹. А до прибытия телеги к месту читайте Коран макамом⁶² перед телегой!

И тогда отправил их, выдав пять сотен флоринов на расходы. Ибо совершили намаз, покойного положили на одну телегу, а султана – на другую. А во время процессии шли перед телегой то плача, то читая Преславный Коран.

Однажды, когда они добирались до окрестностей Улаклы⁶³, валиде [мать], дочери хании и бикечи хана выстроили людей вдоль дороги и наблюдали за похоронной процессией хана. Ибо виднелись похоронные телеги⁶⁴. С вырванными волосами и истерзанными ликами, со стоном и несмолкаемыми возгласами прикладывали свои лики к табутам⁶⁵ хана и султана, изливаясь слезами. У тех, до чьих ушей доходил сей стон, вместо слез из очей лилась кровь⁶⁶. Настолько большая поднялась суматоха с криками, что даже не поддается описанию⁶⁷. Кинулись вперед телег, подняв оглушительный стон и крик, а изнеженки, чьи лики не видели дневного света⁶⁸, остались рыдать позади телег.

Так мы и добрались до Салачика. Соратники и слуги покойного хана, мужчины и женщины погрузились во всеобщий стон и плач⁶⁹, будто бы сие событие знаменовало собой День Светопрествавления⁷⁰. А потом, промовляя: «Воистину мы пришли от Аллаха и мы вернемся к Нему»⁷¹, отворили усыпальницу Хаджи Герай-хана и похоронили вместе с сыном. И прочитав суры из Священного Корана во благо его чистой души⁷², накрыли покойника кумачом в тридцать тонов и кемха⁷³. Раздав все это улеме [ученым] и неимушум, преподнесли милостыней [саадака] пять сотен флоринов. Подняв руки, прочитали молитвы во благо его души, а потом люди разошлись⁷⁴ по сторонам. К тому времени покойному хану было пятьдесят лет. А Гази Герай-султану – тринадцать.

⁶¹ «Varub merhumı ulu babası Hacı Geray Han kâşanesinde defnedin».

⁶² Макам – ритм, мелодичность, протяжность.

⁶³ «Bir gün Ulaqlı ayâğında gelürken».

⁶⁴ «Çünkü meyyit arabaların gördiler».

⁶⁵ Табут – погребальные носилки.

⁶⁶ «gözlerinden yaş yerine qan revan olur idi».

⁶⁷ «Bir giriv peyda oldu ki, diller ile vâsf olunmaz».

⁶⁸ «ol yüziñ gün görmiyen nazeninler».

⁶⁹ «feryâd u fiğan ve giryâna ağaz edüb».

⁷⁰ «güyâ kıyamet günüñden bir nişan idi».

⁷¹ «İnna lillâhi ve inna ileyhi raci'ün».

⁷² «ruh-ı paki için Quran-ı Şerif oqınub».

⁷³ Кемха – шелковая ткань.

⁷⁴ «halq tağıldı».

Вслед за тем Девлет Герай-хан, прибыв из Крыма, счел возможным казнить султанчиков ради порядка в мире. А потом⁷⁵ Эмин Герай-султан вышел «казаковать». И, увидев спящего нокера со своими благами, тогда заколол его мечом при первой же возможности и учинил мучеником. А затем привез мертвеца. А Девлет Герай-хан узрел положение и велел четвертовать того неверного и окаянного злодея. Однако же не смог он найти того неверного, что казнил Гази Герай-султана. И молвил: «Одно из имен Господа – Воздающий наказание»⁷⁶. А затем, найдя Болюк Герай-султана, велел его тотчас казнить. И закололи его в том самом месте, где он заколол покойного хана, испустив его кровь. И пролилась кровь Хаджи Герая и Селямет Герай-султана.

А когда была решена доля султанчиков⁷⁷, велел призвать жен и дочерей покойного. Среди них были с ангельской натурой и видом пери⁷⁸, обладательницы благополучия, всех их [аммиси] – двенадцать высочайших женщин⁷⁹. Всех их Девлет Герай-хан наделил всевозможными ласками⁸⁰ и каждой велел назначить подарки и множество жалований. И выдали по овечке из отары⁸¹, по выючному животному⁸², по казне⁸³, лучших пленников и всякого вида кумача⁸⁴. И повелел:

– Не говорите, что Ваш отец-хан умер. Ведь, покуда я буду в здравии в сем мире, то не позволю вам бедствовать. Будьте довольны!

И на сих словах отправил их в Улаклы-Сарай, а дефтердару же учинил наставление:

– Ежемесячно и сполна выдавайте жалованье [улюфе] ханьям и бикечам моего покойного брата в Улаклы!

И настоял на сем. Так и учинили. Близкие и родня⁸⁵ покойного хана в царствование Девлет-хана величественно и счастливо обрели спокойствие и беспечность⁸⁶.

В общем, таковым было случившееся и приключившееся⁸⁷ с покойным

⁷⁵ «Badehu».

⁷⁶ «müntekimdir bir adı Mevlânîñ».

⁷⁷ «Qaçan kim, Sultançıqların qayıdı görüldükde».

⁷⁸ «biri melek haslet ve peri suret».

⁷⁹ «on iki ali rif'at hatunları».

⁸⁰ «buların cümlesi dilnüvaht edüb».

⁸¹ «qoyundan qoyun».

⁸² «ve hergeleden hergele».

⁸³ «ve hazineden hazine».

⁸⁴ «ve qumaşdan her nevi'den qumaşlar».

⁸⁵ «Merhum hanın ta'alluqatı».

⁸⁶ «asude hal ederler».

⁸⁷ «serencamı ve sergüzeşti bu minval üzere olub».

хазрет ханом, да снизойдет милость и прощение Бога на него! Но причина завершения⁸⁸ сей истории событий и приключений покойного и прощенного хана такова: «Однажды ночью сей несчастный и немощный⁸⁹ [то есть я] погрузился в сон. И видел я явление, когда покойный хан, обитатель рая, в степи, подобной Фирдевсу⁹⁰, сидел на золотом престоле посреди дворцов и пристроек⁹¹. Узрев сего несчастного, он промолвил: «Подойди-ка сюда». Я же приблизился. И обратился он ко мне: «Я собираюсь на войну, тебе же поручено отвечать за эту крепость⁹², вести учет приходов и расходов, составляя дефтер!» И, обернувшись, повелел своим секретарям: «Я расширил его полномочия, так и запишите в дефтер». И, доверив сию крепость и дворцы сему несчастному, сам же, вооружившись и опоясавшись, отбыл таким, каким я видел его воочию. Я же занялся содержанием крепости. И тогда я проснулся спросонья, вознося молитвы за его пречитсую душу. А затем прочитал макамом Преславный Коран.

И по удивительной мудрости однажды некто прибыл и молвил тогда:

– Нури-Султан-ханий, воссылая приветствия к Вам, попросила Вас явиться. Пусть же расскажут о событиях из жизни нашего отца-хана⁹³, дабы сия книга стала поводом для памяти с молитвами вплоть до Дня Светопре-ставления⁹⁴. А всяческие их пожелания постараемся исполнить. Отборную лошадь, отборного пленника, золотых акче выдадим им, дабы утешить⁹⁵ и уважить сполна. И пусть же нашим долгом будет попечение о них до сконча-ния их земной жизни⁹⁶. Да будут они нашим отцом в земном мире и в мире вечности.

Так и повелевали. И на вопрос: «Каким будет Ваш ответ, что же мне до-ложить?», сей ничтожный же, вознеся безграничные и бесподобные молит-вы их высочеству, промолвил:

– Из нее был бы превосходный пир⁹⁷. Честь и хвала ее разуму и про-ницательности! Возжелали же они, дабы их отец был поминаем благими делами⁹⁸. А теперь же передайте хазрет ханий наши молитвы. А я же, коль

---

⁸⁸ «tarîh-î encamîna sebeb».

⁸⁹ «bu faqîr-î pür-taqîr».

⁹⁰ Фирдевс – рай.

⁹¹ «köşkler ve saraylârda».

⁹² «bi hisarî zabt ve rabt edüb».

⁹³ «Han babamın, serencamın rivayet ve hikâyet edüb».

⁹⁴ «ol kitab sebebi ile ta qiyamete degin yâd olub, hayr du'a ile añılsun».

⁹⁵ «teselli hatır olduđı mertebe verüb».

⁹⁶ «ve hayâtda olduqça, görüb, gözetmek üzerimize farz-ı 'ayn maqamında olsun».

⁹⁷ Пир – наставник, глава тариката (суфийского ордена).

⁹⁸ «Babasınıñ hayrile yâd olduđın murad edermişler».

на то воля Всевышнего Аллаха, приступлю⁹⁹ к исполнению ее повеления. Коль Всевышний Господь поможет, ниспослав Свое провидение».

И на сих словах отправил того человека. И молвили тогда: «Как гласит фетва [решение], набожная дочь лучше сына-грешника»¹⁰⁰. А у покойного и не осталось сыновей. Однако же у него осталась дочь подобной пронизательности¹⁰¹, которая стала причиной поминания молитвами славного имени ее отца вплоть до Дня Светопрествления. Как прекрасно, что сие благо и счастье уготовлено тому человеку, у которого в конце остается подобное умное чадо-дочь¹⁰², что приносит довольство и покой душе отца¹⁰³ и в молитвах хранит светлую память о покойном хане. А сие дело свидетельствует о близости к Богу¹⁰⁴.

Ибо сей великий и славный хан, покинув сей земной мир в великой борьбе¹⁰⁵, обрел достойное себя место. А хазрет ханий же обрела столько милостей в просьбе от сего молитвенного поминования. А нам же пришлось поминать его [хана] в молитвах, сохранив память в книге и читая. А покуда слушающие сию книгу будут возносить молитвы, тогда покойный хан с легкостью обретет блага и премного возвысится¹⁰⁶.

А коль уж меня настигли столько бед и трудностей, то клянусь Великим Аллахом, что любовь покойного не скончается из сердца¹⁰⁷. Пусть же Всевышний Господь, да сияет слава Его, ниспослет довольство на его душу¹⁰⁸! И, собрав всех эвлия [праведников] и энбия [пророков], сделает султанами всех представших¹⁰⁹! По праву господина пророков¹¹⁰, опираясь на Твою милость, о милостивый над милостивыми¹¹¹.

⁹⁹ «buyurduqları işden, inşaAllah-ı Ta'alâ mübaşeret edelim».

¹⁰⁰ «fasıq oğuldan, zahid kız yegdür» fetvası üzere».

¹⁰¹ «lâkin bunıñ gibi arife qızı qalub».

¹⁰² «soñında bunıñ gibi aqılla mahdumesi qalub».

¹⁰³ «babasınıñ ruh-ı revanıñ şad etdürüb».

¹⁰⁴ «Cenab-ı Haqqa yaqın olmağa delildir».

¹⁰⁵ «dar-ı dünyâdan şehadetle gidüb».

¹⁰⁶ «dinleyenler hayır du'a etdükçe, merhum hane sevablar ve nice dereceler müyesser ola».

¹⁰⁷ «merhumın muhabbeti gönülden zail olmuş degildir».

¹⁰⁸ «ruh-ı revanıñ şad eylesün!».

¹⁰⁹ «ehl-i didar olan selâtinден eylesün!».

¹¹⁰ «Behaqq-ı seyyidü'l-mürselin».

¹¹¹ «berahmetin yâ errahm er-rahimin».

Эпилог¹¹²

Хвала Аллаху, моя книга довершена;
А ее слово я назвал сияющим, ясным как день.
Каким было приключение хана,
Что он вершил, вписал я, о хане степи [хан-ы дешти].
Докончил я свой рассказ, ривает¹¹³,
А Божья милость снизошла на сего несчастного.
А коль спросишь дату ее, шахзаде,
То было сие в году девятьсот шестидесятом, не более того.
Ибо ныне нуждаюсь в молитвах,
Невозможно оказать всеобщую милость бедняге.
Пусть же будет конец, ибо и ты нуждаешься,
Подумай о конце, раскрой очи на всякую пользу.
Коль никто не останется в сем мире,
Все же не погибнет тот, чье доброе имя останется в памяти¹¹⁴.
Поминай же Сахиб Герай-хана его добрым именем¹¹⁵,
Не сходит с уст всякий миг его имя¹¹⁶.
Хватит сих слов умному,
Будет знаком роза из розария¹¹⁷.
Писано в благословенном месяце Реджеб, в году шестьдесят первом¹¹⁸.

Конец

Сведения об авторе и переводчике: Абдужемилев Рефат Рустем огълы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова» (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

---

¹¹² «Natime».

¹¹³ Ривает – предание, рассказ о былом.

¹¹⁴ «Eyü adı qalan dünyâda ölmez».

¹¹⁵ «Eyü ad ile gör Sahib Geray Han».

¹¹⁶ «Nice mezkürdür dillerde her an».

¹¹⁷ «Olur, bir gül, gülistandan nişane».

¹¹⁸ «Harrere fi selh-i Recebü'l-hayr, li seneti ihda ve sitte elf».

Remmal Khoja. Chronicle «Tarikh-i Sahib Geray Khan» («History about Sahib Geray Khan»). Part 5. The end

Refat Abduzhemilev

(*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University»*)

To the attention of the readers is offered the translation into Russian of the final fragments from the chronicle «Tarikh-i Sahib Geray Khan» (XVI c.)¹¹⁹. The chronicle's author was a prominent scholar, a court astrologer at the court of Sahib Geray Khan, Kaysuni-zade Mehmed Nidai, known under the pen-name Remmal Hoja.

Along with the factual component of the chronicle, the artistic specifics are also important. In comparison with the other works of historiography orientation, this work most clearly demonstrates the power of an artistic word, its aesthetic potential. The work is written in panegyric form, the author praises the heroic deeds during the Khanate of Sahib Geray. The traditions of Ottoman historiography are also revealed in the chronicle.

The translation was made from the Turkish edition of «Tarih-i Sahib Geray Han ("Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimee de 1532 a 1551", Ankara, 1973) ». The author of the translation tries to correlate the content of the translation with the content of the original, to convey the artistic embodiment of historical events, to preserve the style of the work, to preserve the realities of Khan's era language, if possible. The text will be useful for specialist in the history and the literature of the Crimean Khanate.

Keywords: Chronicle, Crimean Khanate, Sahib Geray, Remmal Hoja, Crimean Tatar literature.

For citacion: *Abduzhemilev R. R.* Remmal Khoja. Chronicle «Tarikh-i Sahib Geray Khan» («History about Sahib Geray Khan»). Part 5. The end. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Riview*. 2020, no. 1, pp. 211–224. DOI: 10.22378/kio.2020.1.211-224

About the author and translator: Abduzhemilev Refat Rustem ogly – Cand. Sci (Philology), senior researcher of the Crimean Scientific Center of the Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); senior researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea in SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University» (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); refatimus@gmail.com

¹¹⁹ The beginning and continuation of the work were published in the previous issues – № 1(10) and № 2(11) for 2018, № 1(12) and № 2(13) for 2019.